

ЭТНОГРАФИЯ

УДК 94(47).046/053

А.А. ЛЮЦИДАРСКАЯ

ВЛАСТЬ И СИБИРСКИЕ НОВОКРЕЩЕНЫ В XVII – НАЧАЛЕ XVIII в.: ПОИСКИ СОГЛАСИЯ*

Анна Алексеевна Люцидарская,
канд. ист. наук, ст. науч. сотрудник
Институт археологии и этнографии СО РАН
630090, Новосибирск, просп. Акад. Лаврентьева, 17
e-mail: lucid@archaeology.nsc.ru

В статье рассматривается реакция местных сибирских властей на вовлечение аборигенного населения в жизнь сообщества колонистов-первопоселенцев. Вхождение в число подданных русского престола было в первую очередь связано с обретением православной веры. Новокрещены могли влияться в различном статусе в служилое сословие либо попасть в холопство. В разряд зависимого населения переходили, как правило, дети, а также плененные во время военных конфликтов. Власти не препятствовали развитию этих процессов, ограничиваясь их корректировкой. Новокрещены являлись связующим звеном между колонистами и аборигенами края, обостряя отношения с последними было политически и экономически невыгодно.

Ключевые слова: аборигены, дворовые холопы, колонизация, крещение, первопоселенцы, подданство, Российское государство, Сибирь, служилые, ясак.

A. A. LYUTSIDARSKAYA

THE POWER AND NEWLY-BAPTIZED SIBERIAN PEOPLE: SEARCHING FOR CONSENSUS

Anna A. Lucidarskaya,
Candidat of Historical Sciences, senior researcher,
Institute of archeology and ethnography of Siberian branch
of Russian academy of sciences,
630090, Novosibirsk, Lavrentiev av., 17.
e-mail: lucid@archaeology.nsc.ru

Moscovia tsarist government began to develop a huge trans-Ural territory populated by various Siberian ethnoses who were pagans from the Orthodox Russian viewpoint in the XVI century. Indigenous population of Siberia was at different stages of social development and had a mixed reaction to the advent of Russian Cossack detachments. The tsarist government faced some challenging tasks: to make the peoples of Siberia subjects of the Russian tsar, to make them pay taxes; to stop internecine clashes among different tribes, and to begin missionary work. Only efficient solution to these problems could lead to a successful colonization of the region. However, that vast area was in need of human resources, which were clearly inadequate and not sufficient. Therefore, the central government would give favorable consideration to employing those aboriginals who had been baptized into Orthodoxy. Baptized aborigines were automatically placed on the same level with the Russians regardless of their ethnic origin. In the contemporary texts such people were called “newly-baptized” (“novokreshcheny”). Newly-baptized aboriginals often achieved high positions in the military and administrative services. Most of them served as ordinary Cossacks or were engaged in economic activities while being employed in the

*Статья написана при финансовой поддержке РГНФ, проект № 13-01-00027.

public service. Many baptized aboriginals due to the capture or sale of their children fell into servile dependence on the Russian military or commercial population. Children constituted a majority of those who were placed in a dependent position due to the fact that they were easier to adapt and to adopt new cultural traditions in the future. The Siberian authorities did not hinder these processes. Incorporation of aboriginal Christians in the state structures had a positive effect on the relationship with indigenous people, and contributed to stabilization and interpenetration of different cultures. An active penetration of the newly-baptized aboriginals into the social structures of Siberia continued up to the first third of the XVIII century, and then began to decline primarily due to the natural growth of the Russian Siberian population and migrations from different regions of Russia. The absence of serfdom and relative legal freedom made Siberia an attractive place. In general the Imperial policy towards the indigenous peoples of Siberia was that of maneuvering and searching for compromises.

Key words: aboriginals, serfs, colonization, baptism, pioneers, citizenship, Russian state, Siberia, service men, tribute.

Население Сибири после внедрения в зауральский регион русских представляло собой очень разнородное сообщество по этнической и социальной градации. Длительное время основной доминирующей силой среди колонистов оставались служилые казаки. Этот цементирующий слой первопоселенцев обладал определенными льготами, получал государево жалование в денежном и материальном выражении. Многие служилые люди имели земельные наделы, на которых организовывали свои заимки. Поверстаться в служилое сословие, попасть в казачью среду было делом выгодным и престижным. До второй половины XVII в. такая перспектива была не только заманчива, но и реально осуществима. Впоследствии в связи с естественным воспроизводством населения и притоком переселенцев приобщиться к служилому сословию становилось все сложнее.

Перспектива лучшей жизни манила и часть аборигенного населения, прошедшего обряд крещения и принявшего русское подданство. Однако осуществить подобный социальный «скачок» могли далеко не все. Как правило, вперед выдвигались представители родоплеменной верхушки – так называемые «лучшие люди».

Совершенно необходимым условием внедрения в служилую среду и вообще приобщения к новым правилам существования являлась способность к адаптации. Однако не для всех новокрещеных это оказывалось по силам. В источниках описаны случаи возвращения служилых новокрещеных к традиционным порядкам. Способность к адаптации не всегда зависела только от социального положения и сложившейся системы ценностей. Не последнюю роль играли и тип нервной системы, и характер человека. Такие индивидуальные черты, как упрямство, вспыльчивость, обидчивость, не способствовали ускорению приспособления к новым условиям существования. Традиционный жизненный уклад формировался с ранних лет, поэтому чем раньше личность освобождалась от накопленного опыта, тем проще проходила адаптация. Понимая это, сибирские власти не препятствовали, а напротив, поощряли привлечение в служилое сословие детей и подростков из аборигенной среды. Однако не всем новокрещенам удавалось поменять свой жизненный уклад. Известны попытки вернуться к родовым корням.

В случае побега к «своему роду и племени» беглеца возвращали и наказывали. Судя по отпискам в Москву, такие меры принимались, но они не имели успеха. Возвращение служилых новокрещеных к традиционному

укладу фиксируется на протяжении всего периода колонизации региона. Показателен случай, нашедший отражение в документации центральных властей начала XVII в. (1606 г.). Служилое население г. Верхотурья передало информацию в Москву о побеге новокрещенного служилого вогула (манси) Афонасия Камаева. Беглец был пойман. Из документальных источников известно, что во время побега он обитал у своего отца на Тагиле и жил привычной с детства жизнью. После поимки беглец получил наказание, применяемое в подобных случаях, и был взят на поруки; а затем приступил к службе, сохранив за собой положенное жалование. Однако отсутствие способности к адаптации взяло верх, и он все же вернулся к своему «роду и племени» [1, с. 184–188; 2, с. 18–19].

Подобные инциденты можно достаточно легко продолжить. Тяга к своим родовым корням имела место и среди гораздо более значимых личностей из числа служилых новокрещеных. Это касается красноярского сына боярского Ивана Айканова, кыргыза по рождению, и томских татар – сынов боярских Былиных [3, с. 165–166; 4, с. 217; 5, с. 80–81]. Несомненно, сыны боярские, внедрившиеся в новую среду, не могли, да и не хотели отказываться от своего нового положения и продолжали поддерживать связи со своими «языческими» соплеменниками, несмотря на общественное мнение.

Отношение русского населения к новокрещенам можно проследить по расселению последних в городах и селах Сибири. Согласно документальным материалам, жители Томска, например, жили бок о бок не только с новокрещенными, но и с «язычниками». В Томске рядом с казачьими располагались двory крещеных калмаков Алексея Гаврилова, Ивана Борцова и некрещеного «язычника» Баяна Толстого (возможно, это кличка). Береговые улицы располагались в Томске недалеко от юрт аборигенных жителей. На устье р. Ушайки проживали 4 новокрещеных калмака, причем один из них значился «отпущенником», т. е. бывшим холопом. Ставили свои двory новокрещеные в районах города, где проживал самый разный по социальной градации люд.

Сибирские духовные власти на протяжении всего XVII в. ратовали за проведение в крупных сибирских городах территориального деления для русских и татар. В своих челобитных в Москву церковники красочно описывали вред от тесного общения с язычниками. В 30-х гг. XVII в. из среды, близкой по убеждениям к тобольскому архиепископу, вышло литературное про-

изведение под названием «Повесть о Таре и Тюмени», где прокламировались подобные взгляды. Однако эта «Повесть» не получила широкого распространения, о чем свидетельствует единственный дефектный список и что убеждает в нежизнеспособности подобных начинаний, противоречивших реалиям сибирской действительности [6, с. 40–41].

Власти периода Московской Руси, составляя единое целое, все же разделялись на политическую и идеологическую составляющие. И если идеологи православия ревностно следили за соблюдением канонов, то политики под воздействием существующей обстановки все же допускали отклонения от сложившихся церковных правил. Амбивалентность правительственных властей, проявляемая во взаимоотношениях с коренным населением Сибири, была поистине безграничной. Причем вследствие огромных расстояний решения актуальных задач нередко задерживались, резолюции доходили с таким большим опозданием, что проблемы уже снимались местными воеводскими властями. Не поощряя под давлением церкви тесные контакты православных с коренным населением, власти тем не менее закрывали глаза на то, что в отдельные годы, отмеченные трудностями в поставках хлеба, красноярским заложникам-аманатам приходилось свободно ходить по дворам служилых казаков, добывая себе пропитание, и судя по всему, получая его [7, с. 77]. Это были «язычники», причем враждебно настроенные, но в любое время они могли из категории «чужих» стать «своими», приняв крещение и подданство царя. Очень показательны в этом плане обстоятельства, в которые попал новокрещеный толмач Никита Черя, вероятно, джунгар по происхождению. Он был захвачен в плен, разыгралась целая история по его освобождению. В документе, сопутствующем этому событию, отмечалось, что «...он человек русский, природный холоп твой государев...» [8, с. 148]. Ревностное отстаивание интересов толмача свидетельствует о необходимости переводческой деятельности. Без налаживания общения русских с автохтонным населением процесс вхождения Сибири в состав России значительно осложнялся и затягивался [9, с. 28]. Властям под влиянием внешних факторов приходилось идти на компромиссы, пересматривая свои же правила. Московское государство в XVII столетии было всецело государством православным. Негативное отношение к инакомыслию в религиозной сфере присутствовало постоянно и находило свои проявления в различных ситуациях.

Например, антиохийского патриарха Макария, прибывшего в Москву в середине XVII в., специально предостерегали, чтобы он «отнюдь не говорил по-турецки». «Боже сохрани, – заявил царь Алексей Михайлович, – чтобы такой святой муж осквернил свои уста и язык этой нечистой речью» (цит. по: [10, с. 336]). В этих словах звучит типичное для того времени убеждение, что невозможно прибегать к чуждым средствам выражения, оставаясь в пределах собственной идеологии.

Практика обыденной жизни медленно, но неуклонно разрушала сложившиеся представления. Нехватка людских ресурсов диктовала в Сибири свои условия.

Известен пример внедрения новокрещенного крымского татарина в служилую среду. Кузнецкий сын боярский Евтиха Савинов в своей «сказке» сообщал, что отец его выехал «из Крыма» в Москву, затем был прислан в Кузнецкий острог, где служил 30 лет в городских татарских толмачах, а после был назначен головою местных служилых татар [11, с. 284]. Подобных случаев можно отыскать довольно много. Татарам несравненно проще было усваивать схожие по структуре тюркские языки сибирских аборигенов. Между тем в Сибири русские столкнулись с неведомыми, чужими, пугающими верованиями. Колонисты встретили людей, говоривших на непонятных языках, поклонявшихся устрашающим идолам и исполнявших дикие, с христианской точки зрения, обряды. Поэтому в сибирском регионе ситуация имела свои особенности. Здесь этническое самосознание в большей степени было связано с осознанием государственной и религиозной принадлежности.

Значительная заслуга царских властей состояла в том, что они понимали необходимость находить пути сближения с местными коренными жителями Сибири и нормализовать обстановку для получения налогов в форме ясака. Один из методов налаживания контактов состоял в привлечении местной аборигенной родоплеменной верхушки на свою сторону. При этом сибирские воеводские власти учитывали личные амбиции знатных аборигенов, соблазняли их материальной выгодой. Но чтобы наладить контакты с аборигенной властью, необходимо было любым способом вынудить последних к крещению в православную веру. Сразу оговорюсь, что силовые, тем более военные методы принудительной христианизации в этом контексте не рассматриваются. Но справедливости ради надо отметить, что сибирские духовные и административные власти в XVI–XVII вв. к жестким принудительным мерам практически не прибегали. Строго говоря, местным, да и центральным властям было, в сущности, не особо интересно, кто платил в казну ясак ценной пушниной, лишь бы поступления «мягкого золота» не прекращались, а любое недовольство аборигенов сулило именно такие последствия.

Условия Сибири выдвигали иные проблемы: огромная территория и острая нехватка, особенно на первых порах, людских ресурсов. Однако, чтобы внедриться в какую-либо структуру поддерживаемого государством сообщества, необходимо было быть православным, опознавательным знаком которого служил крест на шее. Сибирские власти всячески поощряли крещение. В Западной Сибири при крещении автохтоны, как правило, получали сукно и сапоги. На первых порах осуществления колонизационного процесса достаточно было просто влиться в служилую среду. Правда, новокрещеные использовались преимущественно на вспомогательных должностях, в походах служили кашеварами, охранниками, а в городах – сторожами различных помещений, банщиками, осуществляли благоустройство городского хозяйства. Многие новокрещеные становились в городах и ближайшей сельской округе «дворовыми людьми», исполняя обязанности по хозяйству. В земельных

регионах дворовые новокрещены крестьянствовали наравне с хозяевами и членами их семей. К 1703 г. только в Томском уезде на заимках численность дворовых людей из числа аборигенов составляла до 70 % от их общего количества [12, с. 98–99].

В исторической науке существуют различные взгляды на попавшее в холопскую зависимость сибирское коренное население. Известный областник С.С. Шашков был прав, когда писал, что русские, привыкшие к условиям крепостного права, придя в Сибирь, не восприняли невольничество как нечто из ряда вон выходящее, а экономические потребности в рабочей силе стали восполняться за счет зависимого, холопского труда дворовых людей из числа аборигенов края. Однако в целом статья Шашкова «Рабство в Сибири», несомненно, носит односторонний характер и опирается лишь на выявленные вопиющие негативные факты, которые едва ли были характерными для массы колонистов.

Следует учесть, что большое количество дворовых ясырей оказывались в холопской зависимости, будучи детьми, и легко приспосабливались к новым жизненным условиям во дворах и на заимках новоселенцев. Вот некоторые выборочные данные на начало XVIII в. о холопах, принадлежавших томским конным казакам, которые успевали укорениться на сибирской земле и обзавестись семьями. Конному казаку Филиппу Федорову Тарабукину, проживавшему на заимке в с. Никольском, принадлежал купленный дворовый работник «калмацкой породы» 10-летний Гаврила¹; у конного же казака Прокофия Дорофеева дворовому калмацкому холопу было 13 лет²; у казака этого же чина Спиридона Дорофеева был куплен дворовый «работник калмацкой породы» в возрасте 4-х лет³. Подобный перечень можно легко продолжить. В угодах зажиточного томича сына боярского, успешно занимавшегося торговлей, кроме его многочисленного семейства числились в дворовых холопах калмаки 16-летний Стефан и 7-летний Петр⁴. Иногда на заимках служилого люда жили и работали, будучи в холопстве, полные семьи новокрещенов.

Известны случаи, когда в холопство родители продавали своих детей, как крещеных, так и не прошедших обряд крещения. Причин этого явления, по видимому, могло быть две: острая необходимость в средствах существования и желание «окунуть» своего ребенка в новый быт с надеждой, что ему улыбнется удача. Иногда ожидания родителей оправдывались. Так, в самом начале XVIII в. томскому сыну боярскому продал ясачный остяк своего сына «именем во крещении» Григорий. Цена сделки составила 10 руб. и совершалась «вечно без откупной»⁵. Еще одна запись сделки того же времени в сокращении выглядит так: «...Пеший казак Фелор Гаврилов сын Безьязыков про-

дал в Томску тобольскому жителю Василию Прокофьеву сыну Шаламову полон именем Феодосия юную свою девочку трех лет нынешнего кыргызского погрому.. взял 4 рубля...»⁶. Мрачную картину работорговли разбавляют мелькающие на страницах документов сведения о так называемых отпущенниках и вскормленниках⁷. В реальной жизни «подрощие» холопы, в т. ч. и новокрещенные, могли стать обузой для разросшихся семей. Они отпускались в «свободное плавание» и со временем внедрялись в то или иное сословие или же примыкали к определенной социальной группе. Власти достаточно индифферентно относились к подобным явлениям, не препятствуя и не поощряя их.

Факты привлечения в холопство детей вполне объяснимы, так как детей проще было крестить и они гораздо быстрее адаптировались к обстановке, в т. ч. языковой. Те же самые процессы присутствуют и в современном мире. Многие эмигранты могут годами жить в иноязычной среде, так и не научившись чужому для них языку даже на уровне общения, тогда как их дети спокойно общаются с новыми друзьями и сверстниками, порой даже на нескольких языках. В связи с этим представляет интерес факт, который впоследствии достаточно часто повторялся. В самом начале XVII в., около 1600 г. поступили сведения о крещеном косвинском вогуле (манси) Булатке Алаеве, который был причислен на Верхотурье к категории торговых людей. Б. Алаев, оставшись сиротой, попал в среду колонистов и очень быстро смог занять достойное социальное положение, начав скорее всего с выполнения обязанностей приказчика или, как говорили в XVII в., «торгового сидельца» [2, с. 15]. Действительно, подобные случаи были не редкостью в Сибири, особенно в начале периода ее вхождения в состав России. Похожим был жизненный путь ранее упомянутого Красноярского сына боярского Ивана Айканова, который рос в служилой среде [3, с. 165–166], а принявшие православие потомки мансийского князя Аблегирима достигли на государственной службе статуса сибирского дворянства [13, с. 620].

Среди дворовых новокрещенов отмечены народы южных областей Сибири, прежде всего татары, калмаки, кыргызы, буряты (братья), монголы [12, с. 87]. В северных регионах в холопство попадали чаще угры и самодийцы. Точно идентифицировать новокрещенов в этническом плане затруднительно, так как в ходу практиковалось «обобщенное» наименование, данное колонистами для народов из различных регионов. Так, всех северных народов Западной Сибири преимущественно называли остяками, южных – татарами или калмаками, или кыргызами. В официальных документах иногда указывалось самоназвание аборигенов, но при принятии крещения эти сведения, как правило, опускались.

В конце 1620-х гг. поступил указ царя Михаила Федоровича вернуть пленных ясырей, взятых во время обострения военного конфликта с енисейскими

¹ РГАДА. Ф. 214. Оп. 1. Кн. 1452. Л. 52.

² Там же. Л. 52 об.

³ Там же. Л. 53 об.

⁴ Там же. Л. 55.

⁵ Там же. Л. 295.

⁶ Там же. Л. 300.

⁷ Там же. Л. 303.

кыргызами. Вставал вопрос, что делать с крещеными ясырями. Принятие православия уравнивало людей различных культур. На территории Сибири это положение проступало особенно явственно. Представители сибирской администрации, в том числе тобольский воевода, приводили свои доводы: «...Полоняники крещены в православную крестьянскую веру и ис христианские веры в бусурманскую отдать их не доведетца» [8, с. 80]. Суть позиции сибирских властей была понятна – отдавать пленных не хотелось, ведь это затрагивало интересы служилого люда, который рассматривал захваченный ясырь как свою справедливую добычу. Царские власти понимали необходимость развития производительных сил на сибирских территориях, прежде всего пашенных хозяйств, для самообеспечения региона продуктами питания. При дефиците рабочих рук роль новокрещенов в качестве холопов на сельскохозяйственных работах возрастала. Поощрять же подобную практику было опасно, так как она вызывала оправданное недовольство среди аборигенов – потенциальных налогоплательщиков. В итоге, несмотря на необходимость развития производительности сельскохозяйственных угодий в Сибири, крепостное право здесь не укоренилось, иначе прекратился бы поток переселенцев из-за Урала, поскольку новая территория прежде всего привлекала своей вольницей.

Московское государство было государством православным с признаками сакрализации власти, где негативное отношение к инакомыслию присутствовало постоянно. Царь, по сути, делил власть с духовенством, прислушиваясь к их требованиям. Политические интересы правительства не всегда согласовывались с церковными мировоззренческими установками и нормами поведения. Тенденция к расширению территорий в поисках новых ресурсов ставила перед московским патриархатом новые задачи миссионерской деятельности. Позиция царских властей по отношению к «языческому» автохтонному населению Сибири отличалась двойственностью, балансируя, с одной стороны, между интересами правительства, церкви, колонистов, а с другой – коренных жителей.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Миллер Г.Ф.* История Сибири. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1941. Т. 2. 640 с.
2. *Люцидарская А.А.* Верхотурские документы периода смутного времени: русско-угорские отношения на начальном этапе колонизации Сибири // Памяти И.Н. Гемюева: сборник научных статей и воспоминаний. Новосибирск: Изд-во ИАиЭт, 2007. С. 9–20.
3. *Бахрушин С.В.* Научные труды. М.: Изд-во АН СССР, 1955. Т. 3, ч. 2. 299 с.
4. *Бахрушин С.В.* Научные труды. М.: Изд-во АН СССР, 1959. Т. 4. 260 с.
5. *Люцидарская А.А.* Семьи первопоселенцев Сибири (на примере генеалогий семей г. Томска XVII – начала XVIII вв.) // Проблемы межэтнического взаимодействия народов Сибири. Новосибирск: Изд-во ИАиЭт СО РАН, 2002. С. 78–88.
6. *Күрилов В.Н., Люцидарская А.А.* К вопросу об исторической психологии межэтнических контактов в Сибири XVII в. // Этническая культура Сибири. Проблемы эволюции и контактов: сб. науч. тр. Новосибирск, 1985. С. 26–46.
7. *Люцидарская А.А.* Договорные отношения в Сибири сквозь призму мировоззрения социума (XVII – начало XVIII века) // Народнонаселение Сибири: Стратегии и практики межкультурной коммуникации (XVII – начало XX века). Новосибирск: Изд-во ИАиЭт СО РАН, 2008. С. 58–85.
8. *Бутанаев В.Я., Абдыкалыков А.* Материалы по истории Хакасии XVII – начала XVIII вв. Абакан: Хакасия, 1995. 232 с.
9. *Люцидарская А.А.* Толмачи в Сибири. Период начала колонизации территории // Гуманитарные науки в Сибири. 2011. № 3. С. 27–31.
10. *Лотман Ю.М.* Избранные статьи: в 3 т. Таллинн: Александра, 1993. Т. 3. 494 с.
11. Дополнения к Актам историческим, собранным и изданным Археологической комиссией. СПб.: Типография Э. Праца, 1859. Т. 7. 374 с.
12. *Люцидарская А.А.* Категория населения – дворовые люди // Демографические процессы и общественно-политическая жизнь. Новосибирск: Изд-во ИАиЭт СО РАН, 2006. С. 86–109.
13. *Гемюев И.Н., Люцидарская А.А.* Служилые угры: один из аспектов русско-угорских отношений в XVI–XVII вв. // Гуманитарные науки в Сибири. 1994. № 3. С. 63–67.

REFEREMCES

1. *Miller G.F.* The history of Siberia. Moscow; Leningrad, Academy of sciences of the USSR Pub., 1941. Vol. 2. 640 p. (In Russ.)
2. *Lyucidarskaya A.A.* The Verhoturje archive of the time of troubles: Russian-Ugric relations in the beginning of Siberian colonization]. Pamjati I.N. Gemueva: sbornik nauchnyh statej i vospominanij. Novosibirsk, Institute of archeology and ethnography Pub., 2007, p. 9–20. (In Russ.)
3. *Bahrushin S.V.* The proceeding. Moscow, Academy of sciences of the USSR Pub., 1955. Vol. 3, part 2, 299 p. (In Russ.)
4. *Bahrushin S.V.* The proceeding. Moscow, Academy of sciences of the USSR Pub., 1959, Vol. 4, 260 p. (In Russ.)
5. *Lyucidarskaya A.A.* The Siberian pioneers' families (by way of example of the Tomsk genealogies of the XVII – beginning XVIII century). *Problemy mezhetnicheskogo vzaimodejstviya narodov Sibiri.* Novosibirsk, Institute of archeology and ethnography Pub., 2002, pp. 78–88. (In Russ.)
6. *Kurilov V.N., Ljucidarskaja A.A.* On the question of the historical psychology of the crossethnic interaction in Siberia in the XVIIth century. *Jetnicheskie kul'tury Sibiri. Problemy jevoljucii i kontaktov: sbornik nauchnyh trudov.* Novosibirsk, 1985, pp. 26–46. (In Russ.)
7. *Ljucidarskaja A.A.* The contract relations in Siberia in the light of social world view (XVII – the beginning of XVIII century). *Narodonaselenie Sibiri: Strategii i praktiki mezhkul'turnoj kommunikacii (XVII – nachalo XX veka).* Novosibirsk, Institute of archeology and ethnography Pub., 2008, pp. 58–85. (In Russ.)
8. *Butanaev V.Ja., Abdykalykov A.* The collection on Khakassia history. Abakan: Hakassija Pub., 1995, 232 p. (In Russ.)
9. *Ljucidarskaja A.A.* Siberian interpreters. The period of the colonization beginning. *Gumanitarnye nauki v Sibiri*, 2011, N 3, pp. 27–31. (In Russ.)
10. *Lotman Ju.M.* Selected works in three volumes. Tallinn: Aleksandra Pub., 1993, Vol. 3, 494 p. (In Russ.)
11. The addition to the historical acts. St.-Petersburg, Tipografija Je. Praca Pub., 1859, Vol. 7, 374 p. (In Russ.)
12. *Ljucidarskaja A.A.* The category of the population – house workers. *Demograficheskie processy i obshhestvenno-politicheskaja zhizn'.* Novosibirsk, Institute of archeology and ethnography Pub., 2006, pp. 86–109. (In Russ.)
13. *Gemuev I.N., Ljucidarskaja A.A.* The service Ugric population: one of the Russian-Ugric relations in the XVI–XVII centuries. *Gumanitarnye nauki v Sibiri*, 1994, N 3, pp. 63–67. (In Russ.)

Статья принята редакцией 19.02.2015